

ПРЕДРАССУДОК В ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье рассматривается процесс происхождения термина «предрассудок» как результат исторически определенной синтаксической и семантической эволюции. Дается попытка различения смыслов таких понятий, как предрассудок, заблуждение и стереотип, которые анализируются в рамках философско-герменевтического контекста употребления в лингвистической практике перевода.

Ключевые слова: предрассудок, заблуждение, стереотип, категоризация.

Слово «предрассудок» по своему явно выраженному лексическому составу включает три основные морфемы: *пред-*; *рас-*; *суд-*. Каждый из этих структурных элементов может быть предметом специального лингвистического анализа. Но все же в соответствии с выбранным тематическим контекстом настоящей статьи целесообразно остановиться на двух комбинациях выделенных элементов, образующих самостоятельные лексемы, и сравнить предмет нашего исследования – *пред-рассудок* с другим словом, являющимся исторически исходным и послужившим для него словообразовательной корневой основой, то есть с *рас-судком*. Ведь слово «предрассудок» образовано прямым добавлением приставки к «рассудку», к моменту этого словообразования уже превратившемуся в прочное словосочетание, наподобие того, как образуется слово «*пред-посылка*» в сравнении с просто «*посылкой*». Кроме того, понятие рассудка имеет давнюю историю, а слово, его выражающее, можно встретить в любом языке, начиная с самых древних времен, насколько это находит отражение в сохранившихся письменных источниках.

По сравнению с «рассудком» собственно «предрассудок» в русском литературном языке появился относительно недавно – во второй половине XVIII века – как словообразовательная калька от французского *prejudge* [9: 319; 13: 357], что в свою очередь было результатом развития синтаксической и семантической эволюции латинского термина *praecūdiūm*, пришедшего из юридической практики осуществления римского права. В этой связи Г. Оллпорт выделил три стадии такой эволюции: 1) во времена Античности термин *praecūdiūm* означал юридический прецедент – приговор, основанный на предшествующих, предварительных решениях и случа-

ях. Это означало также вынесение предварительного решения по делу до выяснения эмпирических фактов, подтверждающих его; 2) позднее в английском языке, например, термин приобрел значение мнения, выносимого до соответствующей проверки и рассмотрения фактов. Вносится оттенок преждевременности или поспешности (непродуманности) в выносимом решении или приговоре; 3) в конечном счете термин и приобрел настоящий, сопровождающий и поныне его такой эмоциональный оттенок, который, как правило, сопутствует подобному предшествующему и неподтвержденному на фактах мнению. Отсюда, собственно, и сформировалось самое краткое, но, как отмечает Оллпорт, одностороннее определение предрассудка как «дурного мнения о других без достаточного основания» [15: 6]. В интерпретации, данной в энциклопедии Колумбийского университета, также содержится более взвешенная позиция: «необоснованное предварительное мнение (*prejudgment*) индивида или группы, по характеру благоприятное или неблагоприятное, выражающее тенденцию действовать в соответствующем направлении» [20: 39407]. Характерно, что в английском языке глагол «*to prejudice*», образованный на основе слова «*prejudice*», при переводе на русский язык дает такое основное значение, как «причинять ущерб», а в современной специальной (русскоязычной) юридической литературе имеют место термины «преюдиция» и «преюдициальность», по смысловому значению соответствующие первой из указанных стадий (от лат. *praecūdiūcialis* – относящийся к предыдущему судебному решению) – обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу.

До определенного момента времени термин сохранял познавательную и ценностную нейтральность, пока немецкий юрист и просветитель Христиан Томазий [11: 592] в своих «Лекциях о предрассудках» (*Lectiones de praeiudiciis*) не стал его использовать главным образом в качестве своеобразного идеологического противовеса против суеверий, связанных с еще имевшей место в то время «охотой на ведьм». Пожалуй, это первое зафиксированное в литературных источниках употребление термина «предрассудок» на одном из европейских языках в близком, современном нам смысле. На это также обращает внимание и Х.-Г. Гадамер в Примечаниях к разделу своей фундаментальной работы («Истина и метод»), где специально разрабатывается философско-герменевтическая концепция предрассудка, указывая в связи с этим еще одну (кроме упомянутой) работу Х. Томазия «Введение в учение о разуме» и статью Валха в «*Philosophisches Lexikon*» [7: 673].

При чтении знаменитого трактата Цицерона «О природе богов», переведенного на русский язык, может сложиться впечатление, что само слово «предрассудок» уже было «в ходу» во время написания указанного ученого труда, по крайней мере, в кругу философов. Так в споре между платоником («академиком») Коттой и эпикурейцем Веллеем первый обращается к своему оппоненту с таким упреком: «И не стыдно ли тебе, физику, т. е. наблюдающему и исследующему природу, искать свидетельства истины в душах, пропитанных предрассудками?» [14: 383]. Казалось бы, возникающее при этом мнение о достаточной употребительности рассматриваемого слова не лишено основания и поэтому не согласуется с ранее высказанным утверждением об использовании термина «предрассудок» не ранее эпохи Нового времени. Но, как мы постараемся показать, это мнение касается лишь того смысла, который мы привыкли вкладывать в понятие предрассудка, а не самого конкретного слова (термина), его обозначающего. Ситуация несколько прояснится, если мы учтем, что использованная цитата приведена по русскому переводу и отражает определенную трактовку аутентичного текста. Переводчик, принимая во внимание философско-герменевтические исследования, не может быть свободным не только от

своих личных лингвистических предпочтений, но и от историчности сознания конкретной эпохи в целом. Сравнивая процесс перевода с утратой собеседниками (переводчика и того, кому адресован перевод) их самостоятельности, Х.-Г. Гадамер пришел к выводу, что в этой ситуации «приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведенного на другом языке, несоответствием, которое никогда не удастся полностью преодолеть» [7: 447]. Поэтому необходимо непосредственно обратиться к первоисточнику, использованному при переводе с латинского трактата «О природе богов», а именно: *Marcus Tullius Cicero. «De natura deorum»*. Как гласит латинский вариант интересующей нас фразы, ранее уже цитированной на русском, «*Non pudet igitur physicum, id est speculatorem venatoremque naturae, ab animis consuetudine inbutis petere testimonium veritatis?*» [19: I-83]. Как видим, слово «*consuetudine*» (*consuetudo*)¹, переведенное как «предрассудок», совсем не то, что *praeiudicium*, но в русский язык «предрассудок» вошел как опосредованный (через французский язык) результат словообразовательной кальки именно с последнего. Почему для слова *consuetudo* при переводе выбран тот вариант семантического значения на русском языке, который ни одним латино-русским словарем не предлагается? Здесь возможны несколько вариантов объяснения. В указанном первоисточнике кембриджского издания прилагается английский перевод латинского текста, и тогда позиция (предпочтение) английского переводчика оказала решающее влияние, то есть *consuetudo* превратилось в *angl. prejudice*, а в англо-русских словарях как раз и предлагается рекомендованный семантический ряд: *предубеждение – предвзятое мнение – предрассудок*. Но такое объяснение, хотя теоретически и может иметь место, на наш взгляд, практически маловероятно. Но тогда мы должны вернуться к герменевтической ситуации, описанной Х.-Г. Гадамером, и заключить, что употребление конкретного слова в процессе перевода неслучайно и выражает определенную традицию отождествления предрассудка с обычаем, преданием или поверьем.

Еще один пример лингвистической практики, сопутствующей ситуации перевода, позволя-

¹ *consuetudo* (от *consuesco* – привыкать) – привычка, привычный образ жизни, обыкновение; обычай, предание, поверье [10: 96]. Ср.: у Даля предрассудок также выводится от поверья, ставшего привычным.

ет выявить еще одно теоретическое предпочтение, традицию в истолковании предрассудка, заключающуюся в отождествлении его с такими понятиями, как *иллюзия и заблуждение*. Здесь мы обращаемся к нескольким вариантам перевода одного и того же текста, на этот раз перевода с немецкого на русский и английский языки известной работы Я. Буркхарда: Jacob Burckhardt. Die Kultur der Renaissance in Italien. Интересующий нас фрагмент гласит: «Im Mittelalter lagen die beiden Seiten des Bewusstseins – nach der Welt hin und nach dem Innern des Menschen selbst – wie unter einem gemeinsamen Schleier träumend oder halbwach. Der Schleier war gewoben aus Glauben, Kindesbefangenheit und Wahn» [16]. В русском переводе 1905 года дается следующая интерпретация: «В средние века обе стороны самосознания – по отношению к миру и к своему внутреннему «Я» – как бы дремали под одним покрывалом. Покрывало это было соткано из бессознательных верований, наивных воззрений и предрассудков» [4; 157]. В заново осуществленном переводе 1996 года дана несколько иная интерпретация: «В средние века обе стороны сознания – обращенного человеком к миру и к своей внутренней жизни – пребывали как бы под неким общим покровом, в грезе и полудремоте. Этот покров был соткан из веры, детской робости и иллюзии» [5; 88]. И, наконец, английский перевод 1945 года существенно не отличается от последнего варианта, хотя содержит несколько иной смысл в переводе самого названия произведения: «In the Middle Ages both sides of human consciousness – that which was turned within as that which was turned without – lay dreaming or half awake beneath a common veil. The veil was woven of faith, illusion, and childish prepossession» [17]. Таким образом, ключом к пониманию искомого смысла слова «предрассудок», данного в первом варианте русского перевода, является соответствующее ему немецкое слово *Wahn*, истолкованное во втором варианте русского перевода и в приведенном английском переводе как *иллюзия (illusion)*. В итоге мы имеем сходную ситуацию, обнаруженную нами при анализе цитируемого текста. Там, где первоначальное слово было переведено как «предрассудок», такое значение, теперь уже в немецко-русских словарях, не предлагается в качестве рекомендованного основного

смысла, зато в качестве таковых значения *иллюзии и заблуждения* как раз предлагаются, что и говорит о более адекватном переводе. Но не менее важно то, что толкование иллюзии, заблуждения как предрассудка говорит, в свою очередь, об отмеченной теоретической нагруженности, которую теперь можно связать с воздействием предрассудка относительно понимания смысла предрассудка как особого феномена сознания.

Но с момента своего появления это слово достаточно прочно и быстро вошло в обиход, что нашло отражение в самых разных литературных жанрах – от толковых словарей до поэтических произведений.

Сам анализ существующих определений слова или термина в литературных источниках, пользующихся заслуженным авторитетом, причем не только для своего времени и не только на обыденно-практическом уровне, на наш взгляд, может быть использован в качестве одной из предпосылок для последующего исследования. Это мнение подкрепляется как тем, что за такими дефинициями стоит эмпирическое обобщение конкретных случаев словоупотребления, так и тем, что это, как правило, позволяет выявить и определенную теоретическую установку на интересующий нас предмет. Так, у В.И. Даля уже можно встретить попытку более точно определить понятие предрассудка в связи с другими, сходными с ним, но имеющими некоторые семантические различия: «Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинно и ложно; в последнем случае оно называется собственно суеверием или, по новейшему выражению, предрассудком². Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок есть понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным суеверным правилам, что, как и когда делать» [8: 736].

Здесь важно выделить не столько содержательный смысл понятия «предрассудок», – так как этот смысл часто менялся в зависимости от контекста, – сколько логическую форму, относящуюся к возможным случаям употребления языковых выражений, определяемых в качестве предрассудка. Ведь если мы имеем дело с грамматическим оборотом «может быть истинно и

² Соотношение понятий «суеверие» и «предрассудок» рассматривается в отдельной статье: [6: 131-138].

ложно» в дизъюнктивном смысле, то это является верным признаком того, что данная семантическая конструкция явно относится к суждению и имеет определенный когнитивный аспект. На это указывает и то, что предрассудок отнесен к особому рода правилам – «что, как и когда делать», а это означает собственно рассудочную деятельность: вряд ли можно себе представить ситуацию свершения какого-либо действия, в которой ясно, что, как и когда делать, но при этом обходящейся без непосредственного участия рассудка. Отсутствие «разумного отчета в основательности» мнения, выражающего конкретное поверье, означает в данном случае лишь неосознаваемость оснований, но не отсутствие их. Другими словами, для некоторых поверий оставляется возможность при обнаружении оснований, ранее не осознаваемых, относиться к «народной мудрости», а те из них, которые этих оснований лишены, должны считаться суевериями. Но почему критерием ложности предрассудка, отождествляемого в связи с этим с суеверием, выступает необоснованность? По-видимому, здесь имеется в виду не сам факт отсутствия основания или рассудочного действия, а отсутствие *правильно* построенного обоснования. Тогда становится понятным, что знание того, что, как и когда делать, превращается лишь в рациональную оболочку по сути ложного мнения. В терминах современной психологии это получило бы название *рационализации*, то есть особого защитного психологического механизма. Но по-прежнему остается неясным, почему отсутствие даже правильно построенного, рационального метода делает какое-то мнение ложным.

Хотя здесь видна определенная теоретическая «нагруженность», теоретическая установка, но в то же время явно неосознаваемая. На наш взгляд, при заимствовании (калькировании) слова из французского языка была также перенесена и соответствующая направленность в понимании смысла и сопровождавшая в это время понятие «предрассудок» определенная коннотация. Речь идет прежде всего о характерным для эпохи Просвещения противопоставлении Разума и Традиции с явным превознесением позитивной ценности первого в сравнении со второй. Предрассудок же представал в этой связи как олицетворение традиции, как прибежище консерватизма, являющееся (с точки зре-

ния просветительских установок познания) препятствием на пути общественного прогресса. Романтическая же интерпретация в понимании предрассудка была уже следствием оппозиции к чрезмерной абсолютизации основных постулатов Просвещения, главным из которых, как известно, являлась безграничная вера в возможности человеческого разума во всех сферах освоения окружающего мира. Все это и находит отражение в поэтическом творчестве, где, с одной стороны, сохраняется некое снисходительное отношение к «наследию предков», а с другой стороны, отдается дань уважения и придание некоего мистического ореола тому, что было принято называть предрассудком. Наиболее точным, ясным выражением такой позиции, на наш взгляд, явилось известное стихотворение Е.А. Баратынского (1841 г.):

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлостного отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай [1: 117].

Возвращаясь же к приписанной предрассудку так называемой «теоретической нагруженности», мы проследили лишь предполагаемые источники таковой, в основе которой лежит такая вполне известная познавательная парадигма, как классический методологизм. Согласно последней можно считать закономерным возобладание, так сказать, *преодоленческо-просветительской* традиции в понимании предрассудка уже не только в литературном, философском, но и научном дискурсе, что не замедлило сказаться и на уровне обыденно-практического сознания. А если учесть неизбежную пересекаемость, взаимообуславливаемость названных дискурсионных контекстов, то можно лишь с большой степенью уверенности констатировать, что с тех пор как слово «предрассудок» стало достаточно употребительным, тенденция

к закреплению рассматриваемой традиции может, по меньшей мере, сохраняться, а то и усиливаться. В самом деле, только при сильной идеализации, переходящей в осознанное или бессознательное искажение, можно вообразить такую ситуацию, когда тот или иной поэт, философ или ученый, надевая, так сказать, воображаемую «творческую мантию», оставляет в стороне или сознательно дистанцируется от своих интеллектуально-ценностных ориентаций, пристрастий, сложившихся пока он был в «шкуре обывателя». В реальности же, как нам представляется, пристрастия, сложившиеся, в определенной сфере (научного или обыденного сознания) и перешедшие в форму известного психологам «автоматического мышления», иначе называемого стереотипным, имеют тенденцию сохранять свое влияние при переходе из одной сферы сознания в другую.

Здесь мы подходим к тому моменту, когда необходимо разграничить смысловые значения двух основных терминов в рассматриваемой познавательной-исследовательской ситуации, которые также часто смешиваются, а именно предрассудка и стереотипа. Ведь нельзя забывать, что уже на заре изучения стереотипов обыденного сознания, явившегося следствием обобщения опыта журналистской практики [18], эти элементы сознания неизменно ассоциировались с проблемой предрассудка и предубеждения. Во многом для этого есть достаточно убедительные основания, хотя смысловая соотнесенность терминов «стереотип» и «предрассудок» далека от взаимного редукционизма. В основе стереотипизации и предвуждения³ («предрассудизации»), на наш взгляд, лежит единый когнитивно-психологический процесс, который в психологии получил название процесса *категоризации*, а в случае предрассудка, даже *сверхкатегоризации*. Под последним термином, введенным еще Г. Олпортом специально для объяснения природы предрассудка – понимается некая радикализация названного ранее процесса, то есть чрезмерная категоричность или сверхкатегоричность его протекания. По мнению исследователей-психологов, стереотипы играют роль «одежек», в которые «одевается» познаваемый объект, после того как он отнесен к определенной

категории [2: 130, 135]. При этом стереотипизация необходима для закрепления информации об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, поскольку для этого необходим определенный уровень фиксации и схематизации, а эту задачу и выполняют стереотипы [12: 82, 83]. В этом кратком описании стереотипа, взятом с точки зрения функционального аспекта, проявляется и главное отличие его от предрассудка. С точки зрения основных гносеологических характеристик стереотип относительно нейтрален с точки зрения отнесения его к истинному или ложному суждению. И вообще стереотип не обязательно может быть выражен в дискурсивно закрепленном высказывании: это скорее типизированный образ, схема. Не случайно сам термин заимствован из типографского производства и в том значении, которое используется здесь при сравнении с предрассудком, имеет адекватный смысл только при наличии атрибута «социальный», иначе под это понятие подпадают и такие термины, как полиграфический стереотип или динамический стереотип [3: 142, 524]. В этой связи уже психологам приходится вводить понятие социального стереотипа в узком смысле, используя дополнительные словообразования, такие как автостереотипы и гетеростереотипы. В этом случае и проявляется тенденция сводить «предрассудок» и «предубеждение», понимая их как синонимы, к особой разновидности стереотипа [3: 524].

К наиболее общим выводам данной статьи можно отнести следующее. Хотелось бы обратить особое внимание, что в предпринятом философско-лингвистическом анализе понятия предрассудка мы имели дело с особым рода пересечением онтологического и когнитивного контекстов ситуации, когда собственно явление, экзистенциально присутствующее *уже давно*, практически с момента возникновения человеческого *cogito*, лишь относительно недавно попадает в поле сознательной рефлексии и получает закрепление в специальном термине. Речь идет о том, что в процессе вхождения слова в это поле оно не могло не испытать воздействия самого феномена, обозначением которого является. Осмысление предрассудка, на наш взгляд, осуществлялось под воздействием фактора *предрассудочности*.

³ Словообразование «предвуждение» – от англ. *prejudice*: *предрассудок* – *предрассудизация* – возможно, покажется излишним неологизмом автора данной статьи, но введение этого термина обусловлено конкретной задачей исследования. Настоятельная необходимость разграничения понятий «стереотип» и «предрассудок» нам представляется важной, поскольку аналогичный термин – стереотипизация – получил достаточную закрепленность в научной литературе, а это, в свою очередь, оказывает влияние и на восприятие процесса образования предрассудков как некую разновидность стереотипизации.

Таким образом, с каким бы понятием ни соотносился предрассудок как элемент сознания – с заблуждением, иллюзией, стереотипом и др. подобными им, – сам предрассудок показывает собственную онтологическую, субстанциальную основу. Поэтому сведение предрассудка к, например, некоей разновидности стереотипа или заблуждения если и имеет какие основания, то лишь в четко обозначенных границах и в определенном контексте. Можно сказать, что, когда мы имеем дело с предрассудком, мы, как правило, обнаруживаем его уже в стереотипно закреплённой форме. Но очевидным здесь является и то, что далеко не каж-

дый стереотип сознания может быть назван предрассудком. То же самое можно сказать и о заблуждении или иллюзии. Далее, когда мы имеем дело с «просто» заблуждением или с «просто» иллюзией, то под напором очевидно опровергающей их информации люди склонны от них отказываться. Другое дело, когда за этими же самыми когнитивными феноменами «стоят» предрассудки, выступая для них скрытой и неосознаваемой предпосылкой и сообщая им «закоренелость» и «непоколебимость». Люди *путают* иллюзии, в заблуждениях *путаются*, а предрассудками *насквозь протитываются*.

17.03.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Баратынский Е.А. Очарование красоты: Стихотворения. Поэмы. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 320 с.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. – 330 с.
3. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд.; доп. и перераб. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. – 672 с.
4. Буркхард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1905. Т. 1. XXIII, 427 с.
5. Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. – 591 с.
6. Габдуллин И.Р. Суеверие и пережиток как формы проявления предрассудка // Вестник Оренбургского государственного университета. №7(101) – Оренбург, 2009.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1998. – 704 с.
8. Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.
9. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Уч.-пед. гиз, 1961. – 520 с.
10. Латино-русский словарь. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000.
11. Реале Дж. и Антесери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / В пер. и ред. С.А. Мальцевой. СПб.: «Пневма», 2002. – 880 с.
12. Социально-психологическая стереотипизация // Общественное мнение и пропаганда. М., 1980.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – 832 с.
14. Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. – 383 с.
15. Allport G. W. The nature of prejudice. Cambridge: Addison-Wesley Publishing Company, 1954. – 529 pp.
16. Burckhardt Jacob. Die Kultur der Renaissance in Italien, Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1994
17. Burckhardt Jacob. The Civilization of the Renaissance in Italy. transl. by S.G.C. Middlemore, London: Phaidon Press, 1945. – 640 p.
18. Lippman W. Public opinion. New-York, 1932.
19. Marcus Tullius Cicero. De natura deorum: Academica. Cambridge, 1956. I (1 – 124).
20. The Columbia Encyclopedia. Columbia University Press. Sixth Edition, 2009. – 53461 pp.

Сведения об авторе: Габдуллин Ильдар Рустамович, доцент кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук.
460006, Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел.: (3532)372586, e-mail: i.r.gabdullin@km.ru

Gabdullin I.R.**Prejudice in philosophic and linguistic discourse**

The article studies process of formation of the notion «prejudice» as a result of historically determined syntax and semantic evolution. The author attempts to differentiate meanings of such notions as prejudice, misapprehension and stereotype which are analyzed within the framework of philosophic and hermeneutic context of usage in linguistic translation practice.

Key words: prejudice, misapprehension, stereotype, categorisation.